

ЖДИ ЕГО?...

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

«Полет черной ласточки» – второй спектакль о товарище Сталине в уходящем театральном сезоне. Первым был «Вечерний звон» в «Школе современной пьесы», срежиссированный СЕРГЕЕМ ЮРСКИМ и им же разыгранный при мизерной партнерской поддержке.

Обе премьеры пополнили собой текущую «сталинаду», прежде всего телевизионно-сериальную. Сначала мы лицезрели непрофессионального актера, зато профессионального банкира Владимира Миронова – Сталина из «Московской саги». Затем – до неузнаваемости загримированного Максима Суханова в «Детях Арбата». Рябое лицо, бабий платок, горло в ангине... Наконец, аудиторию Первого канала пытались уверить, что Джигарханян с крашеными усами и в сизом френче – это не Армен Борисович, а Иосиф Виссарионович и что был вождь именно таким, милым дедушкой народов, без какого-либо сходства с собственными же портретами...

По итогам всего вышеперечисленного какой можно сделать вывод?

Только один: жалко товарища Сталина. Но жалко по-разному.

Эдвард Радзинский уверяет, что Сталин – персонаж мистический. Помяни его, он и появится. У «Черной ласточки» и «Вечернего звона», создававшихся автономно, без особого интереса последователей к предшественникам, обнаружилось такое количество общих точек и совпадающих линий, что иное объяснение, кроме мистики, в голову не лезет.

И там и здесь действие построено на фантастической, точнее, фантазмагорической ситуации.

И здесь и там престарелый Сталин выступает в паре с юной девицей, то есть является не только символом чего угодно (абсолютной власти, деспотии, душевной болезни), но также секс-символом.

В пьесе Иона Друцэ и, соответственно, в спектакле Юрского хватает фактологических ошибок. Серьезным ляпом озаменовалась и «Черная ласточка»: львиная доля второго акта базируется на утверждении, будто бы Сосо Джугашвили был первым и единственным ребенком у своих родителей. Тогда как в действительности он был первым и единственным выжившим ребенком. Как говорится, почувствуйте разницу...

Оба спектакля получили песенные титулы. Оптимистический куплет «И скольких нет теперь в живых, тогда веселых, молодых. И крепко их могильный сон, не слышен им вечерний звон» как будто нарочно сочинен для бывшего семинариста, грядущего палача. «Лети, черная ласточка», «Гяпринди шаво мерцхало» – старинная грузинская застольная песня, которая, говорят, успешно конкурировала в сердце вождя с пресловутой «Сулико». Сразу вспоминается Фазиль Искандер, гениальный роман «Сандро из Чегема», глава «Пирей Валтасара», где под многоголосную красоту «Черной ласточки» является Сталину видение: теплый осенний день, арба, груженная виноградом, и почтительный говор соседей за спиной: «Тот самый Джугашвили, который не захотел стать властителем России под именем Сталина... Хлопот, говорит, много, и крови, говорит, много придется пролить...» На реверсивный вопрос Станислава Рассадина, зачем понадобилось это лирическое отступление, Искандер ответил: «Я бессознательно ощущал жалость к погибшей душе».

«Жалость к погибшей душе» – нельзя точнее охарактеризовать состояние зрителя, посмотревшего «Полет черной ласточки» на Другой сцене «Современника». Наверняка кто-то скажет, что это дурно, опасно и недальновидно – делать из Сталина объект для сострадания. На мой взгляд, нет ничего более АНТИСталинского, чем сердечная боль по другому человеку. Жалеть Сталина не опасно. Опасно никого не жалеть.

Изначально пьеса Хотяновского и Горучавы носила имя «Шинель Сталина», но поскольку одна «Шинель», гоголевская, в репертуаре Другой сцены уже имеется, название поменяли. Учитывая, что за «Шинелью», которой Другая сцена,

собственно, и открывалась, последовала «Голая пионерка» Кирилла Серебренникова, где присутствует если не сам Сталин, то символ Сталина, надо признать, что все спектакли на этой площадке повязаны странными родственными узами. Мистика, опять мистика...

Игорь Кваша играет отца народов не в первый да и не в последний раз. Уже идут съемки фильма «В круге первом». На роль тирана Глеб Панфилов пригласил именно Квашу, образ Александра Солженицына воплощает Евгений Миронов. Поразительное сходство Кваша со Сталиным могли оценить те, кто видел телесериал

отсылающая сразу и к фильму «Окно в Париж», и к «Детской книге» Акунина. Параллельный мир, откуда Иосиф Джугашвили подглядывает за членами Политбюро, чей заговор материализовался в новую шинель с радиоактивными пуговицами, и слушает хриплую сводку Би-би-си о состоянии собственного здоровья. Когда дыра закроется («дыра» – главное слово в тексте, слово-пуля и слово-женщина), астральный двойник вернется в обреченное тело. А умирать ему не хочется. Хочется жить. Обвенчаться с прелестной девицей. Пить свадебное вино. Вести философские споры со старым евреем-портным, смотреть

Наверняка кто-то скажет, что это дурно, опасно и недальновидно – делать из Сталина объект для сострадания. На мой взгляд, нет ничего более АНТИСталинского, чем сердечная боль по другому человеку. Жалеть Сталина не опасно. Опасно никого не жалеть

«Под знаком Скорпиона». Остальных в зале «Современника» ожидает настоящее потрясение. При этом грим Кваше требуется минимальный. Стоит лишь наложить усы, и нос вдруг повисает, может, и не вполне сталинской, но абсолютно кавказской сливой. Прибавьте к этому акцент, характерный жест «пальцем в небо», белоснежный мундир генералиссимуса. А что Сталин нисколько не сухорук и за пять дней до смерти весьма резво носится за своей юной наложницей, так ведь перед нами не совсем Сталин. Другой Сталин.

В ночь на первое марта, в паузе между зимой и весной, время застывает, как маломощный компьютер. Распахнутые небеса, временная дыра,

на звезды с отцом Евлампием, рефлексировать, как дядя Ваня: «Я мог бы стать Шопенгауэром...» Когда Кваша-Сталин выходит после антракта, его встречают нарастающей волной аплодисментов. Поздно переконвертировать спектакль в разоблачительную агитку с репликами типа: «На колени, монстр!», поздно задаваться вопросом: ага, а другим, что ли, жить не хотелось?! Забыл, сколько сам угробил?! Кажется, дотянулась бы до неба и своими руками разрывала «дыру» дальше: пусть живет. Пусть попробует спастись погибшая душа.

«Черная ласточка» – вещь многословная, многослойная, долгая, путаная. С философией переборщили, с моралью перемудрили.

ЧТО: «Полет черной ласточки, или Эпизоды истории под углом 40 градусов»

ГДЕ: ТЕАТР «СОВРЕМЕННИК», ДРУГАЯ СЦЕНА

КОГДА: 01, 18 июля

Авторы – ПЕТР ХОТЯНОВСКИЙ, ИНГА ГАРУЧАВА. Постановка ВЛАДИМИРА АГЕЕВА.

Сценография и костюмы МАРИНЫ ФИЛАТОВОЙ. В ролях: ИГОРЬ КВАША, МАРИЯ АНИКАНОВА, ВАЛЕРИЙ ШАЛЬНЫХ, НИКОЛАЙ ПОПКОВ, ВЛАДИСЛАВ ФЕДЧЕНКО, РАШИД НЕЗАМЕТДИНОВ...

В роли возлюбленной вождя – Мария Аниканова.

Почти гоголевский абсурд (смерть великого вождя, как и смерть маленького человека, заключена в шинели) глупеет, раздробленный на множество вставных номеров. Героиня – Мария Аниканова тонка как былинка и легка как ветерок, более того, мастерски катается на роликах, но любит она фальшиво, текст у нее остается пустым, смысл – невнятным. Однако все, все абсолютно искупается и оправдывается великолепной работой Игоря Кваша. Он играет Сталина, освободившегося от Сталина. Люфциера, которому снится, что он не спланировал на землю по траектории в срок градусов. Играет неиспользованную возможность, нереализованный шанс, роковой выбор. Значит, выбор и шанс в жизни все-таки существует.

«Ты не печалься, ты не прощайся, я обязательно вернусь», – сулит нам со сцены генералиссимус. Прямо передача «Жди меня». А на самом деле вернулся уже. Но вернулся, по законам истории, не трагедией – фарсом. И ничего удивительного, что публика предпочитает погибшую душу полному отсутствию души.

Кваша Игорь

94-54

Июль-август 2005